

## Милосердие, покаяние, примирение... Утопия или путь?

**Марина Костенецкая — Сергей Мазур**

*Сергей Мазур:*

Марина Григорьевна, на творческих встречах с читателями вы охотно говорите на тему «Писатель и общество. Обратная связь». Очевидно, в первую очередь это обусловлено вашим личным архивом, в котором хранится более трех тысяч читательских писем. На страницах нашего альманаха мы уже не раз обращались к этим письмам, как к уникальным свидетельским показаниям современников о тех или иных исторических событиях. Вас нередко спрашивают об отношении к календарным дням — 16 марта и 9 мая, которые вызывают противоречивые оценки в латвийском обществе. Насколько я знаю, для вас и в этом вопросе главным ориентиром остаются все те же читательские письма. Анализируя ситуацию на примере конкретных человеческих судеб, вы как бы отходите от привычных газетных клише противоборствующих сторон и предлагаете нам взглянуть на историю под другим углом зрения.

*Марина Костенецкая:*

Да, Сергей, действительно я очень дорожу своим читательским архивом. Дорожу доверием современников, решившихся высказать мне, как писателю, то, что наболело на душе. Сейчас, в век электронной почты и телефонных эсэмэсок, уже трудно и представить себе, что всего каких-то тридцать лет назад люди писали письма на бумаге не только от руки, но и от сердца! Что вместо «эмоциональных» смайликов, человек находил в родном языке яркие и искренние слова для своего текста. Эпистолярный жанр уходит в небытие, но такого рода потери в ходе эволюции, увы, неизбежны! Тем важнее сохранить для истории и использовать в публицистике написанные еще рукой и сердцем письма наших современников.

Итак, львиная доля упомянутых писем из моего архива приходится на период Атмоды, то есть нашего пробуждения, нашей песенной революции, когда очень актуальна была связь творческой интеллигенции с обществом. Вероятно, такие письма есть и у других писателей, художников, композиторов — то есть у тех представителей творческой интеллигенции, которые были напрямую втянуты историей в водоворот политической жизни. Тогда и композиторы, и художники, и писатели не только Латвии, но и всех республик Советского Союза в одночасье стали депутатами. Не все, конечно, но очень многие. Это была та миссия, которую мое поколение творческой интеллигенции должно было выполнить — воодушевить народные массы на духовное пробуждение, вывести страну из состояния летаргического сна проигравшей в истории идеологии. Что пришло на смену советскому тоталитарному режиму — это уже другой вопрос. Но в любом случае, сбылась мечта латышского народа о восстановлении независимости государства. Неотъемлемое право нации на самоопределение было реализовано, и я горжусь тем, что принимала в этом непосредственное участие. Короче говоря, однозначно ни о чем не жалею. Точка.

После достижения провозглашенной Атмодой цели — восстановления независимости — большая часть творческой интеллигенции Латвии из активной политики ушла. Мы вернулись к своим мольбертам, музыкальным инструментам, письменным столам, логично рассуждая, что теперь место следует уступить тем, кто сумеет создать законодательную базу для строительства молодой страны — юристам, экономистам, профессиональным политикам. Правда, кто-то из тех, с кем мне довелось работать в Кремле, все же остался в политике. Тот же Раймонд Паулс,

например, долго потом еще продолжал сотрудничать с Сеймом Латвии. Но в основном та творческая интеллигенция, которая была на волне Атмоды, ушла. Мы как бы сдали пост следующему поколению, и заступили на дежурство по стране уже совсем другие люди. То есть лично я, говоря о себе, ушла из политики 6 сентября 1991 года, когда уже и Горбачев подписал Указ о признании независимости Латвии. Известно, что 24 августа такой Указ подписал Ельцин от имени России. Но мы ведь выходили из состава СССР, а не из состава России! Короче говоря, 6 сентября 1991 года я сдала свой мандат депутата СССР, вернулась в Ригу, и с того дня в активной политике больше не участвовала. Это не значит, что как писатель, как человек, который всегда держал руку на пульсе общественного мнения, я вдруг утратила всякую связь с народом — камнем пошла на дно, покрылась илом и обросла ракушками. Нет, не так. Все эти годы я выступаю в прессе. Редко, но выступаю. То есть когда спрашивают, отвечаю на вопросы. И как писателю мне до сих пор люди пишут письма. А вот то, что было во время Атмоды, когда письма шли тысячами, это, конечно, в моей жизни уже никогда не повторится. Когда я сейчас перечитываю эти письма, невольно поражаюсь, насколько же мы были все тогда едины! Скажем, противники советского режима стояли по одну сторону баррикад, а по другую — те, кто будущее страны на веки веков видели только под красными знаменами. И в том, и в другом лагере были люди разных национальностей, но и те, и другие под своими лозунгами стояли плечом к плечу — Народный фронт и Интерфронт.

Тут следует отметить, что свободолюбивые идеи Народного фронта в Прибалтике возникли не на пустом месте. Нельзя забывать, что движение за освобождение от тоталитарного режима зарождалось одновременно и на бескрайних просторах России, и Казахстана, и Украины, и Армении, и Азербайджана... Были в других регионах страны (еще до возникновения Народных фронтов в Прибалтийских республиках) и жестоко подавленные армией восстания рабочих и студентов, и лагеря для политзаключенных, и высланные из СССР диссиденты, и психушки для инакомыслящих. Но — парадокс истории! — через 22 года после распада СССР лидеры Латвийского Интерфронта, яро отрицавшие в свое время саму идею независимости Латвии, сегодня представляют интересы нашей страны в парламенте Евросоюза! В свою очередь, *ровесники свободы*, молодые латышские политики озабочены исключительно сохранением национальной идентичности в стране и в упор не видят, что из свободной

Латвии в массовом порядке добровольно уезжает коренное население. Но если не решать экономические вопросы, то национальные со временем отпадут сами собой — в стране просто не останется латышей!

Так что же произошло за четверть века со свободолюбивым народом Латвии, который силой духа победил в песенной революции неуютный режим?

А произошла очень простая и очень страшная вещь: политики новой формации, не обремененные идеями гуманизма, уничтожили собственный народ, цинично преобразовав его... в электорат. Теперь линия разделения на *свой* — *чужой* проходит уже не между политическими фронтами, а по принципу национальной принадлежности потенциального электората. В одном лагере сплотилась титульная нация, для которой родным является латышский язык, во второй же оказались вытесненными практически все русскоязычные (за исключением тех, кто согласен не только интегрироваться, но и полностью ассимилироваться в латышской среде). Вспоминают политики о своем электорате, как правило, накануне очередной предвыборной кампании. Но в календаре новейшей истории Латвии уже прочно прописались и дни так называемых «календарных беспорядков». У двух памятников Риги — 16 марта у памятника Свободе, 9 мая у памятника освободителям Риги от фашистских захватчиков — проходят мероприятия, в ходе которых политики обоих лагерей, вызывая массу эмоций у кипящего *праведным гневом* противоборствующего электората, делают свой политический бизнес.

Сегодня, когда мы с вами, Сергей, записываем на диктофон эту беседу, на календаре 28 марта. День памяти латышских легионеров, воевавших во время Второй Мировой войны на стороне нацистской Германии (16 марта) в этом году уже позади, день Победы Красной Армии в Великой Отечественной войне (9 мая) еще впереди. Победу над нацизмом во Второй Мировой войне Латвия, как и другие страны ЕС, официально отмечает 8 мая, поэтому 9 мая у латышей считается чисто советским праздником. Возле памятника Свободе 16 марта в этом году не обошлось без инцидентов, и сейчас нам остается только надеяться на то, что обоюдная провокация не обернется громким резонансом у памятника Освободителям Риги 9 мая.

Сразу хочу четко обозначить свою позицию по поводу 16 марта. Для меня эта дата праздником не является. Но я понимаю и принимаю право латышских легионеров отдать дань памяти своим соотечественникам, погибшим в мясорубке Второй Миро-

вой войны. В течение одного года маленькая европейская страна дважды пережила вторжение чужой власти на свою территорию, и обе власти, оказавшиеся в 1941 году по разные стороны фронта, мобилизовали в ряды своих армий граждан Латвии. Не будем здесь и сейчас затрагивать вопрос о добровольной и принудительной мобилизации — и та, и другая имела свою психологическую подоплеку, разбираться с которой предоставим историкам. Но что важно отметить нам, как гуманитариям, так это факт состоявшегося Нюрнбергского процесса, который однозначно осудил преступления нацистской Германии против человечества, в результате чего конкретные люди, принимавшие участие в конкретных карательных операциях, понесли заслуженное наказание. В том числе и латышские легионеры. Не забудем, что часть из них была расстреляна по приговорам Военного трибунала СССР, а очень многие из тех, кто непосредственного участия в фашистских зверствах и не принимал, все же были отправлены после войны в места лишения свободы, где в каторжных условиях отбыли длительные сроки. Кроме того, многие латышские легионеры отбывали сроки наказания и в лагерях для военнопленных других стран, членов антигитлеровской коалиции. Не думаю, что среди доживших до наших дней стариков, которые 16 марта несут цветы к памятнику Свободы, найдутся такие, кто лично уничтожал мирных жителей белорусских деревень или расстреливал в Латвии евреев. Если же они есть, то 16 марта следует называть конкретные имена и говорить о конкретных преступлениях. Причем делать это надо, основываясь на подтвержденных свидетельских показаниях, в открытой прессе, а не на театрализованных пикетах так называемых *антифашистов* возле памятника Свободы. Да, к великому сожалению, в страшную историю холокоста Латвия вписала собственную страницу, и латыши должны за это покаяться. Но покаяние должно быть осознанным и искренним. Делающие свой политический бизнес на трагедии евреев *антифашисты* такому покаянию никак не способствуют. Скорее наоборот — громкими акциями (громкими в буквальном смысле слова, то есть с применением звукоусиливающей аппаратуры) они только ожесточают латышей, которые тоже немало пострадали в прошлом веке от тоталитарных режимов.

То же самое относится и к так называемой *патриотической* латышской молодежи. Сомневаюсь, что эти молодые люди в течение года изо дня в день навещают по домам старых больных легионеров, чтобы поддержать их материально и физически. Зато невооруженным глазом видно, как 16 марта полити-

чески активная молодежь зарабатывает на трагедии стариков симпатии самой дисциплинированной части национального электората — переживших советские репрессии пенсионеров. То, что телевизионная картинка в мировых СМИ преподносит потом как *шесть легионеров*, на самом деле является всего лишь дешевым политическим пиаром. Стоит убрать с этой картинки колонны спортивного вида парней, с лесом государственных знамен сопровождающих немногочисленных легионеров, и само определение *шесть легионеров* окажется мыльным пузырем! Мир увидит только то, что увидит: небольшая кучка людей весьма преклонного возраста после богослужения в церкви шаркающей походкой направляется с цветами к главному символу своей страны — памятнику Свободы — помянуть солдат, с которыми волей судьбы довелось оказаться на *неправильном* фронте Второй Мировой войны.

Что же касается 9 мая, то для меня, русского писателя Латвии, это праздник. Только отмечаю я его не у памятника Освободителям Риги, куда с полным правом приходят пожилые солдаты Красной Армии и их благодарные потомки, а у себя дома. Зажигаю освященную церковную свечу, ставлю на проигрыватель диск с военными песнями Высоцкого и... перечитываю «Письмо к заложнику» любимого французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери, военного летчика, погибшего в рядах армии своей страны во время Второй Мировой войны. У памятника Освободителям для меня в этот день слишком шумно. И я понимаю чувства латышей, которых раздражает маскарад с красными знаменами, обильно представленной символикой *русских* партий и театральнопатетическими выступлениями политиков с высоты сцены, специально установленной у памятника Освободителям на один день. Кстати, следует отметить, что 16 марта ни сами легионеры, ни их сторонники у памятника Свободы никаких речей не произносят — просто молча кладут цветы и уходят. Помимо всего этого, я понимаю и то, что латыши вправе иметь собственное мнение о Ялтинских соглашениях, согласно которым Латвия после войны попадала в зону интересов Советского Союза.

Ну, а теперь, Сергей, давайте вернемся к тому, с чего начали разговор, то бишь, к письмам моих читателей. Поскольку в конкретном письме, о котором ниже пойдет речь, упоминается организация «Даугавас Ванаги» (в переводе с латышского — «Ястребы Даугавы»), для начала обратимся к свободной интернет-энциклопедии Википедия. Русская и латышская версия этой энциклопедии, как выяснилось, различаются. Набрал латиницей

словосочетание «Daugavas Vanagi», по-латышски читаем (*перевод мой*) следующее:

«Истоки возникновения организации Даугавас Ванаги следует искать на территории Бельгии, где после окончания Второй Мировой войны в подконтрольной Британской администрации зоне располагался лагерь для военнопленных. Организацию Даугавас Ванаги 28 декабря 1945 года основали в этом лагере бывшие солдаты латышского легиона. Первоначальной задачей новой организации было оказание помощи бывшим латышским солдатам и их семьям.

Около 25 000 латышей попали в лагерь для военнопленных, которые находились под контролем западных стран антигитлеровской коалиции. Наибольшее число пленных оказалось в лагерях северной Германии, в зоне подконтрольной властям Британии. Хотя многие были рассеяны и по другим лагерям, а приблизительно 12 000 пленных латышей содержались в Цедельгемском лагере в Бельгии. С самого начала работы общества, в 1945 и 1946 годах, организаторам Даугавас Ванаги было разрешено устанавливать контакты с латышами в других лагерях с целью создания сети для взаимной поддержки. И хотя сначала членами организации были только бывшие легионеры, создатели Даугавас Ванаги надеялись со временем объединить в своих рядах всех оказавшихся на чужбине латышей.

...На протяжении десятилетий члены организации Даугавас Ванаги продолжали реализовывать свою задачу, заключающуюся в том, чтобы сплотить латышей, дабы сохранить единство и целостность нации».

Итак, перебирая письма читателей, я наткнулась на письмо одного легионера. С этим человеком я познакомилась в конце 60-х годов, когда судьба забросила меня в поселок Дикли Валмиерского района. Какое-то время я там работала культургом в туберкулезном санатории, а директором поселкового дома культуры, то есть как бы моим коллегой, был некто Эдгар Лусте. Это был человек из породы тех латышей, которые не на словах, а на деле чтят свою культуру. Так сложилось, что Дикли исторически являются колыбелью и Праздника песни, и первой театральной постановки на латышском языке («Разбойники» Шиллера), и для увековечивания этих событий Эдгар Лусте умудрялся выбивать деньги то на строительство летней эстрады в парке, то на капитальный ремонт дома культуры. Кроме того, Эдгар был режиссером местного драматического коллектива, пел в хоре и еще много чего успевал делать на ниве культуры. Из скупых разговоров с коллегой я уже тогда знала, что он отбывал срок в сталинских лагерях, но за что именно — спрашивать не

решалась. И только в конце 80-х годов узнала, что в юности Эдгар Лусте принудительно был призван в латышский легион нацистской армии, и в ГУЛАГ после войны попал именно по этой причине. Наши регулярные контакты с Эдгаром прервались с середины семидесятых, после моего возвращения в Ригу, хотя изредка жизненные пути где-то мимолетно пересекались, и вот в 1990 году я вдруг получила из Дикли такое письмо (*перевод с латышского мой*):

«Марина!

Ну, наконец-то я нащупал путь, чтобы выйти с тобой на связь! Посылаю несколько строк для Поэтессы, имя которой ты мне называла, а я его, увы, забыл (об этой моей дурацкой забывчивости ты, вероятно, помнишь из наших совместных походов). Ничего особенного там, конечно, нет, но коль скоро довелось все это в душе пережить, а потом еще и на бумаге записать, то текст должен, в конце концов, попасть к адресату.

Далее просьба лично к тебе. Наша организация «Даугавас Ванаги в Латвии» набирает обороты. Мы уже созрели для того, чтобы начать издавать собственный журнал. Провели среди членов организации опрос — к кому из деятелей культуры и искусства стоило бы обратиться с просьбой дать в первом номере журнала напутствие. Больше всего *голосов* досталось Иманту Калныньшу, тебе и Андрею Эглитису (Швеция).

Итак, будь добра, напиши и пришли пару строк. Включи туда, пожалуй, тему милосердия, поскольку первоочередной задачей нашей организации является именно забота об инвалидах войны, а также о тех жертвах сталинских репрессий, которые влачат сегодня свои дни под гнетом старости и болезней. Так уж получается, что судьба опять свела нас с тобой в случайном непрямом сотрудничестве. С самого начала Атмоды я примкнул к тому радикальному направлению, которое требует полной независимости. И одновременно прилагаю все свои силы и энергию, чтобы предотвратить шовинизм во взаимоотношениях между нашими народами. Слепому ясно, что именно этого и ждет аппарат власти застоя. Если прогрессивные силы растрачат сейчас энергию на дразги и выяснение отношений, мы опять воскресим те исторические времена, когда в вырытую слякотной осенью траншею вместе сбрасывались изможденные, окоченевшие, голые тела и латышских крестьян, и русских интеллигентов. Это следует помнить, это надо напоминать каждому, на каждом шагу.

Помню, ты рассказывала, как во времена своей чукотской эпопеи ты получила от кого-то поддержку фразой: «Держись, ма-

ленький Джек Лондон!» То же самое хочу тебе сказать и сейчас. Главное, не потерять звезду в облаке той пыли, которую поднимают вокруг нас. Нашу звезду, путеводную звезду, звезду победы. Так и будет, так все и свершится, что бы ни пришлось нам еще порой пережить. И даже в том случае, если придется вспомнить старую солдатскую песню: «Один должен умереть, чтобы сотни могли жить».

Так, кончается лист бумаги. Мой адрес: (пришли же то, что я попросил для нашего журнала, старые солдаты и каторжане ждут)

Почтовый индекс 228623

Поселок Дикли, дом Дадзиши

Эдгару Лусте

Дикли

Октябрь 1990 года

*К письму, написанному от руки, приложен отпечатанный на пишущей машинке текст обращения к неизвестной русской поэтессе.*

ANNO 23 августа 1989 года

От здания Ратуши в Таллинне до горы Гедиминоса в Вильнюсе протянулся БАЛТИЙСКИЙ ПУТЬ. В моей правой ладони покоятся маленькие теплые пальчики внука.

«Бопа (так он меня зовет), чего мы здесь ждем?»

«Свободу, никогда этого не забудь».

Час Судьбы, великий момент. Блеск молнии, ковка грома, в едином порыве объединившиеся, воедино сплавленные.

Голос угрозы, голос великана с горы власти, сжатый для удара железный кулак. Неужто опять как в сороковом году: армада танков, лес штыков, следом чекисты с наручниками и нагайками. Пусть. Мы стоим, отгесненные к самому краю Ведьминого обрыва. Стоит отступить на шаг, и наша песня захлебнется, наш язык задохнется в угаре, и лишь легенды сохранятся о жившем когда-то у Балтийского моря народе-сироте. Нам некуда отступать, мы стоим и будем стоять даже тогда, если над головой внука взлетит острая саперная лопатка.

Ждем... И вдруг — о, чудо! Влага застилает глаза.

Через пограничный ручей Зилупе идет русская поэтесса с цветами в руках. Идет к священному камню, где в граните высечена наша боль и надежда.

ANNO 23 августа 1990 года.

Спрашиваю у внука:

«Помнишь, что мы ждали?»

«Свободу. Дождемся ли?»

«Ты непременно. Дождусь ли я — одному Богу известно».

Долгие годы, проведенные в рабстве лагерей, дают себя знать. Вряд ли доживу до

23 августа еще и следующего года. Наверное, поэтому так отчетливо воскресает в памяти прошлое. Вздрагиваю от искры Громовержца, вижу цветы, которые несут через Зилупе к монументу Свободы.

Поэтесса, я склоняю перед Вами свою давно уже седую голову каторжанина.

Не народ против народа, не класс против класса восстает — справедливый суд против произвола, благородство против безумия, милосердие против бесчеловечности.

С уважением

Эдгар Лусте

Дикли

Август месяц 1989 – 90 годов.»

Сразу признаюсь, что я тоже не помню имени той российской поэтессы, которую Лусте упоминает в своем письме, но от этого ведь суть самого письма не меняется! А вот о списке избранных представителей культуры, чьи имена с уважением называли в ходе опроса латышские легионеры, следует кое-что пояснить. Имя латышского композитора Иманта Калныньша в самой Латвии в представлении не нуждается — это классик современной музыки. Но поскольку ваш Альманах, Сергей, распространяется и далеко за пределами Латвии, для менее осведомленных читателей скажу, что сами латыши Иманта Калныньша почитают не меньше, чем Раймонда Паулса. Просто Калныньш больше работает в жанре классической музыки, а имя Паулса и в России широко известно, но именно благодаря популярным в народе эстрадным песням. В свою очередь поэт Андрейс Эглитис (в письме Лусте предусмотрительно дает на это имя ссылку — *Швеция*) сегодня тоже уже причислен к классикам, хотя многие соотечественники с его творчеством смогли познакомиться только после восстановления независимости Латвии. Дело в том, что в 1943 году уже известный на тот момент поэт Андрейс Эглитис был призван в латышский легион СС, и в качестве военного корреспондента 19 дивизии прошел путь войны по дорогам Латвии от Цесвайне до Лиепайи. В ночь с 7-го на 8-е мая 1945 года из Лиепайского военного порта в Балтийское море вышли рыбацкие лодки, взявшие курс на шведский остров Готланд. Вместе с другими представителями латышской интеллигенции в одной из этих лодок покидал родину Андрейс Эглитис. Вернуться в Латвию он смог только через 53 года. Но вернулся уже навсегда, и, прожив в Риге еще 8 лет, в 2006 году был похоронен у себя на родине в Видземе на Ляудонском кладбище. Вышло семь томов собраний сочинений Андрейс Эглитиса, однако сам он при жизни скромно говорил о себе, что в латышской литературе останется всего одной поэтической

строчкой: «Боже, Твоя земля горит в пламени греха и вражды!». Это первая фраза текста знаменитой кантаты «Боже, Твоя земля горит!», которую в самый разгар войны, в 1943 году, поэт создает совместно с композитором Луцией Гаруте в рамках конкурса, объявленного лютеранским священником О.Сакарнисом на тему «Молитва Латвии к Богу».

К этой кантате по ходу разговора мы еще вернемся, Сергей, но сначала я попытаюсь упретить ваш логично возникающий вопрос: как в компании двух классиков латышской культуры третьей оказалась Марина Костенецкая — отнюдь не классик и вообще русский писатель? Ответ прост. На волне перестройки в СССР, с легкой руки ленинградского писателя Даниила Гранина, было создано Всесоюзное общество «Милосердие». Естественно, в каждой национальной республике Союза тут же, в обязательном порядке, должны были возникнуть соответствующие филиалы общества. А так как я уже на протяжении несколько лет регулярно писала в прессе о том, что у нас творится в детских домах, вспомогательных школах, пансионатах для престарелых, то на учредительной конференции республиканского филиала именно мне и доверили возглавить латвийское «Милосердие»! И уж коль скоро «Латвияс Ванаги» изначально главной целью своего движения ставили оказание помощи старым и больным ветеранам войны, вполне логично, что они мне доверяли. Ведь для милосердия изначально неприемлема формула «свой — чужой».

Так вот о кантате «Боже, Твоя земля горит!». В 1989 году я была избрана сначала Народным депутатом СССР, а потом и членом Верховного Совета, в связи с чем работала на постоянной основе в Кремле. Именно в статусе члена Верховного Совета зимой 1990 года меня включили в состав латвийской делегации, отправлявшейся в Сибирь, точнее в Томскую область, на Дни культуры Латвии. Делегация была большая, в нее вошли и художники со своими передвижными выставками, и артисты и даже целый хор из нескольких десятков исполнителей специальной концертной программы. Это был смешанный хор Лиго, и его основатель и дирижер Кармена Яковела, конечно, тоже летела в самолете, почти целиком заполненным нашей делегацией. В самолете мы с Карменой и познакомились. Она рассказала, что в Сибири запланирована поездка хора в один из тех поселков, куда в сороковых годах были депортированы латыши, и предложила мне побывать там вместе с хором. Командировку в Кремле мне оформили всего на три дня, хотя в целом Дни культуры Латвии на Томской земле длились

больше недели. Но поездка в колхоз должна была состояться уже на второй день нашего пребывания в области, и я, к счастью, успела принять в ней участие. Говорю *к счастью*, ибо именно с этой поездкой и с хором Лиго связаны те незабываемые переживания, которые и по сей день помогают мне трепетно ценить проявление лучших качеств человеческой души. И не допускать, чтобы ангажированные СМИ и циничные политики могли манипулировать моим сознанием.

Начну хотя бы с того, что в 1990 году для поездки хора из Латвии в отдаленный колхоз Томская областная администрация выделила не только комфортабельный автобус, но и сопровождение машины ГАИ с сиренами и мигалками — по сибирскому тракту к могилам репрессированных когда-то латышей нас везли как правительственную делегацию! На границе колхоза с хлебом-солью автобус встречали местные жители в русских национальных костюмах, а заснеженная дорога к поселковому кладбищу была расчищена грейдерами. Ну, а возле входа на сам погост нас ждали уже потомки депортированных латышей. Они провели гостей по тем секторам кладбища, где упокоились их предки, и на каждой остановке хористы с зажженными свечами в руках пели своим не вернувшимся из Сибири соотечественникам латышские народные песни. Потом в клубе состоялось посвященное Дням культуры Латвии мероприятие с речами, концертом и хлебосольным банкетом. Помню, во время этого банкета я оказалась за столом рядом с председателем колхоза, который много добрых слов сказал мне о трудолюбии латышей, и вдруг несколько смущенно и в то же время с гордостью сообщил: «То, что здесь сейчас на столе стоит, наши дети годами не видят — этот дефицит специально для вас из области завезли!». Сейчас, 23 года спустя, эта непосредственность и широта русской души согревает меня в моменты, когда латышские радикалы пытаются унизить мое национальное достоинство. Потому что я видела и знаю: русские способны не только покаяться, но и первыми протянуть руку для примирения. Хотя и нам было бы что предьявить Латвии в качестве исторического счета — те же красные латышские стрелки и пламенные чекисты...

Но вернемся к заявленному сюжету с кантатой Андрейса Эглитиса. Как я уже сказала, из Кремля меня тогда отпустили всего на три дня, и уже следующим вечером мне предстояло лететь обратно в Москву. Кармена спросила, во сколько рейс самолета, и вот в тот момент, когда в гостиничном номере я уже ждала машину для отбытия в аэропорт, в дверь постучали. Открываю. На пороге в

концертном костюме, при полном параде и с зажженной свечой в руках стоит солист хора Лиго: «Наш дирижер просит вас спуститься на несколько минут в вестибюль гостиницы». Ничего не понимаю, но послушно следуя за своим гостем. И когда на первом этаже мы оба выходим из лифта, я теряю дар речи... Хор Лиго в полном составе в концертных костюмах и с зажженными свечами полукругом выстроен в вестибюле. Ко мне подходит Кармена и, как ни в чем ни бывало, говорит: «Сегодня вечером в Томской Филармонии мы будем исполнять кантату «Боже, Твоя земля горит!». Поскольку вы на концерте быть не сможете, мы хотим исполнить сейчас один отрывок из этой кантаты. Пусть это будет нашим благословением вам в дорогу». И дирижер поворачивается к хору, и поднимает вверх руки... Знаете, Сергей, у меня и сейчас, через столько лет, мурашки по коже, когда я все это рассказываю! В текст кантаты Эглитис вставил в качестве библейской цитаты каноническую молитву «Отче наш». И вот этой молитвой хор Лиго провожал меня из Сибири в Москву зимой 1990 года. Спустя несколько часов, когда я уже сидела в самолете, стюардесса объявила в микрофон, что мы пролетаем над Уралом, то есть пересекаем границу между Азией и Европой. Я взглянула на часы — именно в эти минуты хор Лиго на сцене Томской Филармонии исполнял кантату «Боже, Твоя земля горит!».

Поездка в Томск состоялась то ли в конце января, то ли в начале февраля, а уже 12 марта в Москве открылся Внеочередной съезд Народных депутатов, на котором нам предстояло избрать первого, а как впоследствии оказалось, одновременно и последнего Президента СССР. Далее позволю себе достаточно обширно процитировать собственную статью, напечатанную на латышском языке в газете «Латвияс Яунатне» (Latvijas Jaunatne) 22 марта 1990 года. Зачем — объясню потом. Называлась статья «Чаша сия не минует меня» и начиналась так:

«Страсти вокруг выборов Президента СССР разгорались на Третьем чрезвычайном Съезде Народных депутатов все больше. Генералы требовали, чтобы будущий президент, как оно и надлежит настоящему мужчине, поднимал свою квалификацию в армии (минимум трехмесячные курсы в Военной Академии). Либералы предлагали немедленно, здесь и сейчас, избрать президентом Горбачева, преддрекая в противном случае конец света в виде начала гражданской войны в стране. Правые радикалы как альтернативу *обанкротившемуся* Горбачеву выдвигали кандидатуру Министра Внутренних дел, дабы проверенными методами навести, наконец, в государстве

железную дисциплину. Бесконечно ставились на голосование поправки к Конституции, вызывая бурю эмоций то в одном, то в другом лагере народных избранников. В двух шагах от сектора латвийской делегации депутаты с Украины взахлеб обсуждали литовский вопрос: одни пытались убедить оппонентов, что Советский Союз должен согласиться на переговоры с Литвой, другие, не замечая, что на трибуне уже выступает очередной оратор, с вежливого шепота переходили чуть ли не на крик, доказывая, что литовцев надо загнать обратно в СССР танками, и чем скорее, тем лучше.

...С каждой минутой оставаться в этой атмосфере становилось все тяжелее. Хотелось встать и уйти. Хотелось хоть на несколько минут оказаться в весеннем утреннем лесу. Или на пустынном морском побережье. Или у себя дома наедине с музыкой Моцарта при зажженных свечах... Наконец председательствующий произнес магическую фразу: «Объявляется перерыв на тридцать минут!», и участники Съезда потянулись из зала по двум главным направлениям — в курилку и в буфет».

Здесь на минутку прервусь, чтобы пояснить: на Третьем, чрезвычайном Съезде депутаты не только выбирали Президента СССР, но и решали, что делать с Литвой, объявившей о намерении выйти законным путем из состава СССР. После шумных дебатов Съезд принял грозное постановление о введении экономических санкций против строптивой республики. Прямая трансляция Съезда шла по ТВ, за событиями в Кремле мог наблюдать весь мир. Ну, а в моей статье описывается уже следующий день после принятия злополучного постановления, то есть все это происходит после того, как депутаты лихо расправились с Литвой:

«Стоя в фойе Дворца Съездов возле стеклянной стены, я отрешенно смотрела на музейные пушки, ровными рядами выстроенные вдоль одного из административныхзданий Кремля, на поздний мартовский снег, крупными хлопьями падавший на эlegantные лимузины, которые скользили внизу по широкой мостовой, увозя куда-то спрятавшихся за темными шторами сильных мира сего... Резкий звук школьного звонка возвестил, что тридцать минут моей свободы истекли, и все так же машинально, словно загипнотизированная высоким чувством депутатского долга, я покорно вернулась в зал.

Знакомый голос «Здравствуйте, Мари-на!» остановил меня в проходе на полпути к сектору латвийской делегации. Я обернулась, и наши глаза встретились: это был человек, который, несмотря на приколотый к лацка-

ну пиджака значок Народного депутата, никак не вписывался, просто биологически не мог вписаться ни в одну из крикливых группировок расколотого политическими страстями Съезда. Казалось, он по рассеянности перепутал эпохи, умудрился родиться в наше безумное время и, в силу какой-то досадной ошибки, допущенной небесной канцелярией, оказался делегатом на этом Чрезвычайном Съезде. Одетый в элегантный костюм-тройку, который сидел на нем так же естественно как джинсы на юнцах и дельцах конца двадцатого века, член-корреспондент Академии Наук СССР, писатель, всемирно известный исследователь Византийской культуры, полиглот, президент недавно восстановленного Библейского общества СССР Сергей Аверинцев в этой судорожно овладевающей основами парламентаризма депутатской толпе выглядел воистину одиноким инопланетянином. Он заговорил со мной, но не о политике, а о Риге. Сказал, что мечтает вместе с семьей побывать у своих рижских друзей, которые живут на Арсенальной улице (название улицы он безукоризненно точно произнес по-латышски), что это неподалеку от церкви Екаба (слова *церковь Екаба* тоже были сказаны по-латышски и тоже без акцента) и в десяти минутах ходьбы от церкви Святой Магдалины. И вдруг, безо всякого перехода, щедро предложил: «Хотите послушать мои новые стихи, Марина?»

Это было настолько неожиданно, что я испугалась. Стихи? После звонка, когда свои места в президиуме вот-вот займут Горбачев со свитой? Стихи — в душной атмосфере парламентских амбиций депутатов от генералитета, рабочих и крестьян? Но инопланетянин Аверинцев, близкий друг недавно скончавшегося академика Сахарова, не дожидаясь моего ответа, уже продолжал вполголоса, как бы разговаривая с самим собой: «Называется «Молитва депутата». Я это недавно написал». Он стал читать, и с первых же строк я забыла и про президиум, и про генералов. Мы стояли вдвоем посреди прохода, и, депутаты, спешившие занять свои места, обходили нас не задевая. Как будто наталкиваясь на невидимую эластичную стену, отделяющую нас от внешнего мира, они расступались, почтительно огибали эту стену, не смея нарушить гармонию оазиса, столь внезапно возникшего в огромном, заполненном вибрациями политических страстей зале. В неравной борьбе с политикой, которая по самой своей сути изначально цинична, «Молитва депутата» зывала здесь и сейчас к Нравственности и Культуре».

Но двадцать три года назад Аверинцев читал в зале Кремлевского Дворца не только

«Молитву депутата». Там же, не сходя с места, Сергей Сергеевич доверил мне тогда и свои самые новые «Стихи о Литовском гербе», написанные буквально накануне, то есть сразу же после того, как Съезд лихо расправился с непокорной Литвой.

Благодаря современным компьютерным технологиям, сегодня мне удалось найти это стихотворение в Интернете:

Белый витязь на червленом поле.  
 Белый вызов силе и неволе.  
 Зов и вызов рыцарского рога,  
 и над зевом пропасти — дорога.  
 Белый витязь на червленом, белый.  
 Самый тихий голос — самый смелый.  
 Страху говорит в ответ, обидам:  
 выстою, не отступлю, не выдам.  
 Если день придет и час настанет —  
 мертвый встанет, нерожденный встанет.  
 Не властители земли — могилы  
 скажут слово, что сильнее силы.

Помню, Аверинцев тогда еще спросил меня, собираюсь ли я в пятницу лететь в Ригу? Я ответила утвердительно, потому что на выходные, как правило, уезжала домой, и близкие коллеги это знали. О том, как события развивались дальше, я рассказала в той самой газетной статье, которую и продолжу сейчас цитировать:

«С секретарем-помощником депутата Аверинцева, Мариной Андреевной, за час до отъезда в аэропорт мы встретились в моем гостиничном номере на другой день после закрытия Съезда.

...раздался телефонный звонок, и голос Марины Андреевны в трубке негромко сказал: «Вам, депутату Балтии, я как русский человек приношу извинения от имени нации за все, чему мы вчера стали у телевизоров свидетелями во время трансляции Съезда»...

Марина Андреевна вежливо спросила, не смогу ли я на несколько минут принять ее у себя в номере перед отъездом в Ригу. Я согласилась, и в точно назначенное время помощница депутата Аверинцева стояла под дождем возле металлического ограждения у входа в гостиницу «Москва» (поскольку во время Съезда там жили только иногородние депутаты и журналисты из многих стран мира, нас круглосуточно охранял патруль КГБ). Я предъявила дежурному офицеру депутатское удостоверение, и мы с гостьей поднялись в номер.

Марина Андреевна открыла сумку и осторожно извлекла оттуда букет фиолетовых гиацинтов. Каждый из семи роскошных экземпляров цветка был отдельно завернут в целлофан, и когда этот сверкающий шуршащий букет щедро рассыпался на столе, я в первую минуту опешила и не знала, как



реagirовать на происходящее. Не давая мне опомниться, гостя развернула еще один сверток, и я увидела семь крупных, очень изысканных и разных оттенков гвоздик. «Пожалуйста, отвезите эти цветы в Ригу и положите их к подножью памятника Свободе», — сказала Марина Андреевна. И окончательно смутившись, словно оправдываясь, добавила: «Знаете, я ужасно сентиментальна. Мне так хотелось послать Латвии немного тепла от России! Русская интеллигенция все прекрасно понимает, мы желаем Балтии свободы и независимости».

В Москве вечером 16 марта пошел снег, и рейс моего самолета дважды откладывался, так что до Риги я добралась только после двух часов ночи. В аэропорту меня терпеливо дождалась за рулем машины мой секретарь-помощник.

К памятнику Свободе мы подъехали в половине третьего ночи. Город спал, и никем не потревоженная я положила на ступеньку цветы и вознесла в ночное небо над Ригой краткую молитву — за свободу Латвии и России».

Надеюсь, Сергей, вы уже догадались, зачем мне понадобилось сейчас так подробно цитировать собственную статью? Да, конечно, только ради того, чтобы документально зафиксировать мистическое совпадение. Ведь цветы для возложения у памятника Свободе я получила от российской интеллигенции именно 16 марта! Кто тогда мог подумать, что всего через несколько лет эта дата станет «днем календарных беспорядков» из-за того, что цветы к памятнику Свободе станут приносить легионеры. Фраза «В Москве вечером 16 марта пошел снег» напечатана в «Латвияс Яунатне» 22 марта 1990 года, в библиотеке можно поднять газетную подшивку...

Итак, Литва объявила о своем выходе из СССР уже на Третьем Съезде Народных депутатов в марте 1990 года. Спустя неполных два месяца, 4 мая приняла Декларацию о независимости и Латвия. Но де-факто все три Прибалтийские республики продолжали оставаться в составе Советского Союза еще почти полтора года — вплоть до августа 1991-го.

Попытка августовского государственного переворота, когда власть в стране захватил ГКЧП (Государственный Комитет по Чрезвычайному Положению), предварительно изолировав в Крыму законно избранного Президента Горбачева, провалилась через три дня. Вокруг Белого Дома в Москве на эти три дня были возведены баррикады, где в ночь с 20-го на 21-ое августа погибли трое молодых москвичей. Их хоронили 24 августа, в день когда Президент России Борис Ельцин подписал Указ о признании независимости

трех Прибалтийских республик. Ну, а 25-го августа у меня был день рождения. Само собой разумеется, этот день я провела в Кремле на экстренном заседании Верховного Совета СССР, а когда вечером пришла в гостиницу, дежурная по этажу вручила мне поздравительную телеграмму из Риги:

Г МОСКВА ГОСТИНИЦА МОСКВА  
НАРОДНОМУ ДЕПУТАТУ СССР ОТ ЛАТ-  
ВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ МАРИНЕ ГРИ-  
ГОРЬЕВНЕ КОСТЕНЕЦКОЙ=

УВАЖАЕМАЯ МАРИНА ГРИГОРЬЕВНА  
ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС С ДНЕМ РОЖДЕ-  
НИЯ БЛАГОДАРИМ ЗА РАБОТУ КОТО-  
РУЮ ВЫ ДЕЛАЕТЕ ПРОСИМ ВАС ОТ НА-  
ШЕГО ИМЕНИ ПОПРОСИТЕ ПРОЩЕНИЯ  
У РОССИЯН ЗА ТО ЧТО СРЕДИ ПАЛА-  
ЧЕЙ ОПЯТЬ ОКАЗАЛИСЬ ЛАТЫШИ ПРО-  
СТИТЕ И ВЫ НАС ЖДЕМ ЛЮБИМ=

ЛИДИЯ ДАЦЕ АЛДИС РИГА БРИВИБАС  
159 КВ 34 Л ДУРШИЦ=

Телеграмма, в которой трое латышей просят прощения у россиян за то, что опять среди палачей оказались латыши (за словом *опять* маячат тени все тех же красных стрелков и пламенных чекистов), пришла в Москву на третий день после самоубийства одного из членов ГКЧП — латыша Бориса Карловича Пуго. Он застрелился в собственной квартире 22 августа, приняв это решение совместно с женой — выстрелил сначала в нее, потом в себя. Тогда, в угаре победы демократии пресса не спешила обнародовать предсмертную записку Министра Внутренних дел СССР. Широкой общественности текст стал известен лишь спустя какое-то время. И вот что, добровольно уходя из жизни, сказал своим близким Борис Пуго:

«Совершил абсолютно неожиданную для себя ошибку, равноценную преступлению. Да, это ошибка, а не убеждения. Знаю теперь, что обманулся в людях, которым очень верил. Страшно, если этот всплеск неразумности отразится на судьбах честных, но оказавшихся в очень трудном положении людей. Единственное оправдание происшедшему могло быть в том, что наши люди сплотились бы, чтобы ушла конфронтация. Только так и должно быть. Милые Вадик, Элина, Инна, мама, Володя, Гета, Рая, простите меня. Всё это ошибка! Жил я честно — всю жизнь»

Покаяние нельзя навязать извне. Покаяние как отдельного человека, так и целой нации рождается в муках совести. Политик и гуманист XX века Индира Ганди сказала об этом очень точно: «Я знаю одного тирана. Это тихий голос совести».

В нашем расколотом взаимными историческими обидами обществе сегодня мы можем уповать только на этого тихого тирана.